

Светлана Бунчина

ИМЕНА

●
Сердце болит, оторвавшись от тени своей. Сердце — ручное животное (дни вылетают в просветы: рыжие веки и рыжие скалы... И где ты? — спросит ручное животное) — смотрит в ручей.

Там продолжается: светлость, зияние тел (там развевается, штора; и белочка бегаёт, зренью не придавая почти никакого значенья) — кто бы спросонья горящего дня не надел.

И предавая, судьбу, от которой кругом (все откололись: избыточность чистого света... Добрый мой мальчик с родством, развязавшимся где-то —) — странную песню играет на сердце другом.

●
Когда, смежась, пытаешься не спать,
А поезд едет в обморок и дальше —
Все через Оршу — где его встречает
Блаженный, не старик, а голубок,
Стихами прочищающий окрестность
(И ты его боишься обминуть)...
Как старомоден силуэт руки,
Царапающий что-то на бумаге,
Пока все спят. Как Бог нетороплив...

●
Прибереги меня для себя.
То, чем мы приходимся, только свет,
порознь, подряд —
никогда друг другу.
Это и нужно. Едва войдя
в комнату (свет остужает стены),
вижу положение тел в пространстве,
вижу свое — твоего не вижу.
Только посильней говори со мной
(надави на кости — и хрустнет голос),
не отдавай меня никому.
Им темно, они забывают встать:
жизнь идет по правилам кинозала,
мы — с той стороны экрана.

●
И женщина, которой муж не нужен,
сказала вечером: «Идем ко мне».
А там тревога, фрак не отгужен —
веди себя скромней.
И я вела. Я линию укола
блюла сама. Неловкий запах пола
терялся за. И было сквозь очки:
все — тишина. И только временами
сны ясности овладевали нами,
безрукими почти...

●
Мы — что называется — каста.
И, что называется, нет
на нас земляного запаса,
родящего веку в ответ.
И в воздухе тонкий осколок
настроен на песенный звук.
Когда просыпаешься в сорок,
внезапные лица вокруг.

ИМЕНА

Чьи имена — не зная, говорят, не зная, —
И я ли к ним
Имею роковую принадлежность...
Они стоят — как птицы.
Каштаны в желтизне,
Кафе открыты, праздник на пороге,
Но тут вливает четное число —
И все умершие поют, как боги...
Но имена? Не зная, говорят.
Я их сплетаю в темные венки,
Я поздно прозреваю их порядок —
И прутья вьются, полнится рука
Зигзагами неверных проявлений.
Их мир стоический
Рябит весной,
Замашками невидимого мира
И рукописным праздником обмолвок,
Где имена — не зная — говорят.
Летая, знать не знают.